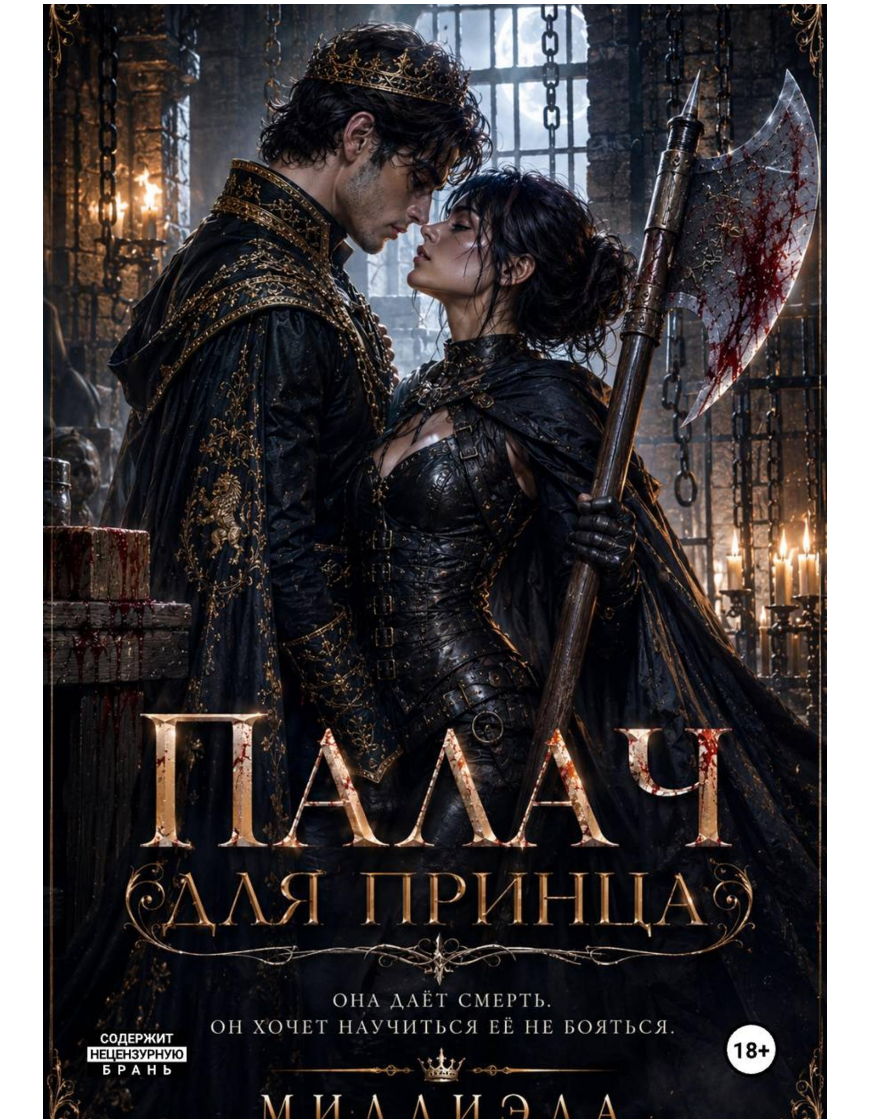

ПАЛАЧ ДЛЯ ПРИНЦА

ОНА ДАЁТ СМЕРТЬ.
ОН ХОЧЕТ НАУЧИТЬСЯ ЕЁ НЕ БОЯТЬСЯ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИЛИЭЛА

МИЛЛИЭЛА МИЛЛИЭЛА

Палач для принца

<https://litres.ru/74220037>

SelfPub; 2026

Аннотация

В королевстве есть только один человек, который не врёт. Это я.

Потому что я слышу ложь. Каждое слово, каждая дрожь в голосе. Я — палач, и мой топор не терпит фальши.

Я казнила сотни. Но никогда не думала, что однажды мне придётся спасти того, кого я должна убить.

Принц пришёл ко мне за правдой о смерти. А нашёл ловушку. Через три дня его голова упадёт с плеч. Если я не успею найти убийцу его отца.

В этом дворце каждый врёт. Кроме меня. И ещё одного человека, который сидит в камере смертников и смотрит на меня так, будто я — последняя надежда.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

МИЛЛИЭЛА МИЛЛИЭЛА

Палач для принца

Глава 1

Восемнадцатая казнь в этом месяце. Руки помнят счёт лучше головы. Советник Кроу стоял на коленях перед плахой, жидкие волосы слиплись от пота.

Дрожал — обычное дело, я на это уже не смотрю. Смотрела на руки: пальцы вцепились в цепь до белых костяшек.

— Я не виноват, — прошептал он. — Клянусь всеми богами, я не предавал корону.

Я шагнула ближе. Рукоять топора успела нагреться от моей ладони. Наклонилась к его уху, чтобы площадь не услышала:

— Ты лжёшь, советник. Он вздрогнул.

— Я не... — Бровь у тебя дёргается. И дышишь через раз.

— Я провела пальцем по лезвию, проверяя заточку. — Скажешь правду — закончу быстро. Соврёшь ещё раз — будешь умирать до заката.

Он замер, перестав ловить ртом воздух. Мельком глянула на трибуну — король с каменным лицом, рядом наследный принц, бледный мальчишка, вцепившийся в подлокотник трона. Первая казнь для него. Понимает ли он вообще,

что это не праздник.

— Я... — Кроу судорожно сглотнул. — Я правда переправлял деньги врагам. Но меня заставили.— Кто?— Герцог... — он осёкся, оглянулся на трибуну, где герцог Воронов сидел с лёгкой улыбкой.

— Не могу сказать. Он убьёт мою дочь. Я вдохнула кислый запах страха.

— Твоя дочь будет жить. Она не в ответе за отца. Он заплакал, слёзы смывали грязные дорожки на щеках.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, Мира.

Впервые приговорённый назвал меня по имени. Обычно слышишь «Мясник», «Палач», «Женщина с топором». А этот знал. Странно. Я отошла на шаг, перехватила топорище обеими руками и занесла его над головой. Кроу зажмурился, губы беззвучно шевелились — прощался с дочерью. Он действительно любил её, несмотря на всё то дерьмо, в которое вляпался. Почему-то сейчас это казалось важным. Я опустила топор. Удар вышел чистым и быстрым — я всегда делаю работу на совесть, если человек перед смертью не юлит. Голова покатилась по деревянному помосту, оставляя тёмную алую полосу, а тело пару раз дёрнулось и затихло. Площадь выдохнула. Кто-то в толпе закричал, на трибунах захлопали — знать всегда аплодирует смерти, это развлекает их больше, чем шуты. Не оборачиваясь, я стянула тяжёлую металлическую маску. Мокрые от пота волосы упали на плечи. Рукава рубахи были в крови, но я даже не пыталась её оттирать

— всё равно не отстирается.

У самой лестницы мне преградили путь. Наследный принц стоял у края помоста, бледный как полотно. Его руки заметно дрожали, но смотрел он прямо на меня. Впервые в жизни кто-то из знатных господ глядел без страха или отвращения. В его глазах было чистое любопытство.

— Ты дала ему лёгкую смерть, — сказал он тихо. Голос у него оказался совсем мальчишеским, ломающимся.

— Почему? Я хотела ответить что-то колкое — эти изнеженные господа вечно лезут не в своё дело, — но замялась под его пристальным взглядом. — Он сказал правду, — ответила я. — Мой кодекс. Принц нахмурился:

— Кодекс? — Я даю быструю смерть тем, кто признаёт вину. Тем, кто врёт до конца — долгую. Всё просто. Он открыл рот, собираясь спросить что-то ещё, но его прервал подошедший герцог Воронов:

— Ваше Высочество, вам не стоит стоять рядом с этим существом. Пойдёмте, я провожу вас. Я даже не обиделась, давно привыкла к такому отношению. Принц посмотрел на меня ещё раз и молча пошёл вслед за герцогом. Я проводила его взглядом, думая, какой странный мальчик растёт у нашего короля. Домой я возвращалась через чёрный ход дворца: грязные улочки, вонь из сточных канав, крики пьяных матросов у таверн. Дворцовую стражу я обходила по привычке — они никогда не пропускали меня через парадный вход в окровавленном тряпье, да и зачем мне лишний раз напра-

шиваться на унижения.

Моя комната когда-то была кладовой для дров. Одно узкое окно выходило на глухую стену соседнего здания, из обстановки — кровать, стол да сундук. Зеркала я не держала, лицо своё видела только в ушате с водой, да и то редко. В комнате стояла тишина — такая, какую я уже ждала. Достала из сундука чистую рубаху, стараясь не смотреть на бурые пятна на старой. За месяцы кровь будто въелась в кожу, не в ткань. Три коротких стука, два длинных. Открыла — на пороге Лия, лицо мокрое, пальцы до белизны вцепились в мою руку. — Боялась, — прошептала она. — Опять казнь. Думала, не вернёшься.

— Я всегда возвращаюсь. — Обняла её, вдыхая запах печёного хлеба, который хоть немного перебивал железо и сырость.

— Принесла ужин, поешь. — Она вытерла слёзы рукавом, выставила на стол хлеб с сыром. Села. Руки не дрожали — привычка. Внутри всё сжималось. После каждой работы одна и та же глухая пустота, и каждый раз Лия пытается её чем-то заполнить. Ели молча, потом она разговорилась — про пекарню, про то, как хозяин орал за съеденную полбулки. Я слушала, улыбалась простому звуку её голоса. Когда она ушла, я долго сидела в темноте, глядя на оплывающую свечу. Воск медленно капал на неструганный стол.

Я думала о советнике Кроу. Его дочь осталась одна, и в этом была моя вина. Да, он предатель, но он любил её так же,

как я люблю Лию. С этими мыслями я и уснула прямо за столом, положив голову на руки. Разбудил меня резкий скрип двери. Я мгновенно вскочила, ладонь сама нащупала топориче под кроватью, но в дверях стояли не стражники и не воры. Это был принц. Он сжимал в руках мокрый дорожный плащ и смотрел на меня так, будто сам не верил, что действительно сюда пришёл.

— Как ты сюда попал? — спросила я, не выпуская топора.

— Я знаю все подземные ходы этого дворца, — тихо сказал он. — Отец забыл, что показывал их мне в детстве.

Он нерешительно переступил порог, прошёл к столу и сел на единственный стул. Его колени дрожали, но голос прозвучал удивительно твёрдо:

— Мира, палач. Научи меня не бояться смерти. У меня на секунду закружилась голова. За десять лет работы никто и никогда не просил меня о подобном, а теперь передо мной сидел мальчишка с глазами испуганного зверёныша. — Зачем тебе это?

— Мой отец умирает, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — И я боюсь, что я следующий. В его голосе было столько горькой правды, что я поверила ему сразу.

Глава 2

Наутро в городе всегда тихо после казни — люди будто сговариваются молчать до заката, хотя никто им этого не говорит. Женщины не стирают бельё у колодцев, дети не носятся по улицам, и даже собаки лают как-то реже, будто и они чувствуют, что вчера кто-то умер. Лия пришла на рассвете, принесла горячий хлеб и кувшин ещё тёплого молока. Я не спрашивала, где она это достала — у неё свой способ находить общий язык с пекарем, и меня это устраивало. Она уселась на край кровати и смотрела, как я ем, а рубаха на мне так и оставалась в бурых разводах. Отвращения в её взгляде не было. Давно привыкла, наверное.

— Вчера был герцог, — сказала она тихо. — Приходил в пекарню, расспрашивал про тебя.

— Что ему надо?

— Не знаю. Шептался с хозяином, а потом тот велел мне к тебе не ходить. Сказал, ты опасная. Я оторвала кусок мякиша и стала жевать, не торопясь.

— И что ты ответила? — Что от него самого воняет старой рыбой, а глаза как у жабы. Я поперхнулась молоком и закашлялась, а Лия рассмеялась — громко, во весь голос, так что этот смех совсем не вязался с нашей убогой комнатой.

Слушала её и чувствовала, как внутри немного отпускает, будто кто-то развязал узел под рёбрами.

— Не ходи завтра на работу. Останься у меня.

— А ты? — она посмотрела мне прямо в глаза. — Будешь здесь?

— Я буду в замке. Она замолчала и стала теревить край платка — так всегда делала, когда боялась спросить о чём-то важном.

— Ты не боишься их? Аристократов. Они ведь злые.

— Я тоже злая. Это держит нас в равновесии. Лия не улыбнулась в ответ, только посмотрела так пристально, что я сама отвела глаза. Она видела меня насквозь с того самого дня, когда я забрала её после смерти матери — ей было десять, а смотрела она уже тогда точно так же, будто не я палач, а просто старшая сестра.

— Приходи, когда закончишь, — сказала она, поднимаясь. — Испеку пирог с яблоками, ты ведь их любишь.

— Люблю. Дверь скрипнула, и я осталась одна, а за окном хрипло каркала ворона. Стянула грязную рубаху, налила в таз холодной воды, и кожа тут же покрылась мурашками — пришлось тереть запястья жёстко, до красноты, чтобы хоть немного смыть въевшийся запах железа. На руке белел старый кривой шрам: два года назад один осуждённый вырвался и полоснул меня заточкой прямо перед плахой, я прикончила его быстро, а рану потом зашивала сама, восемь неровных стежков при свече.

Переделалась в чистое, затянула жилет, обула сапоги и поправила на поясе короткий топор — не рабочий, просто для

улиц, мало ли. Утро встретило прохладой и длинными тенями. В замок шла через чёрный ход, мимо переулков, где толклись только нищие да ленивые стражники. Толстый караульный у ворот даже не повернул головы в мою сторону, просто отвернулся, будто вдруг очень занят. Внутри замка повсю кипела жизнь — слуги с подносами сновали по коридорам, а на кухне кто-то надрывно орал. Я пошла напрямик к кабинету герцога: записку с требованием явиться на завтрак мне передали ещё вчера, через горничную с каменным лицом. Постучала трижды. Герцог Воронов сидел за столом и неторопливо жевал ветчину с яйцами, а рядом молчаливой тенью замер его худой секретарь с птичьим лицом.

— Проходите, — бросил он, не поднимая головы.

— Садитесь.

Я села напротив, положив топор на колени. Он покосился на оружие, но промолчал.

— Зачем я здесь? Герцог отложил нож, вытер рот салфеткой и уставился на меня в упор.

— Сегодня ночью ко мне пришёл принц. Сказал, что был у вас, что вы не задавали вопросов, а просто согласились помочь. Это странно.

— Он пришёл просить о помощи. Я не отказываю.

— И в чём же его просьба?

— Хочет посмотреть, как устроена казнь. Герцог недоверчиво усмехнулся, губы у него скривились.

— И вы поверили?

— Я не судья. Моё дело — исполнять приговоры. Хочет смотреть — покажу, это не запрещено.

Он долго разглядывал моё лицо, будто пытался нащупать в нём ложь, а я смотрела в ответ не мигая — привычка за годы работы. Наконец откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

— Отлично. Тогда вот вам приказ. Сегодня в полдень казните человека — вашего соседа, сапожника. Убил жену, арестован ночью, вина доказана. Хочу, чтобы казнь была публичной.

Внутри у меня всё похолодело. Старый сапожник? Да он никогда в жизни не поднимал на неё руку — она умерла от чахотки ещё в прошлом году, и весь квартал это знает, старик каждое воскресенье ставил за неё свечи в храме.

— Ваша светлость, этот человек не убивал.

— Не ваше дело, — оборвал герцог. — Ваша работа — рубить головы. Приказ дан. Говорил это так буднично, будто заказывал ещё порцию ветчины, а секретарь за его спиной так и стоял неподвижно, как статуя.

— Я не казню невиновных.

— А что вы сделаете? — Воронов подался вперёд. — Откажетесь — я найду другого палача, и он сделает то же самое, только ваш сосед будет умирать долго и мучительно, потому что новый костолом окажется неопытным. Вы этого хотите?

Я крепче сжала рукоять топора, пальцы начали неметь.

— Зачем вам это?

— Хочу проверить вашу лояльность, — улыбнулся он. — Откажетесь — сочту, что вы против меня. А противники Воронова долго не живут. И их сёстры тоже.

Я медленно поднялась, и солнечный луч из окна ярко блеснул на лезвии моего топора.— Вы не тронете Лию.

— Не трону. Если в полдень сапожник лишится головы. Идите готовьтесь.

Вышла в коридор и прислонилась спиной к холодной стене, пытаюсь выровнять дыхание — в груди клокотала глухая ярость, а перед глазами всё стоял этот старик, который скоро умрёт от моей руки просто потому, что я трусливо цепляюсь за жизнь сестры.

В полдень на площади собралось человек пятьдесят от силы — в будни зевак всегда мало. Сапожник стоял на коленях, связанные руки дрожали, он тихо плакал, не утирая слёз. Я подошла, положила руку ему на плечо. Старик вздрогнул и поднял на меня красные глаза.

— Я не убивал, Мира... Клянусь, она сама умерла. Я просто сидел рядом.

— Я знаю, — тихо ответила я.Его лицо изменилось, из глаз ушла последняя надежда.

— Тогда почему?— Потому что так надо. Закрой глаза.Я занесла топор, но с трибуны раздался резкий, ломающийся крик:

— Стой!На краю помоста стоял принц Эдвард, бледный как полотно, но смотрел решительно.

— Я запрещаю казнь. Этот человек невиновен, я сам займусь расследованием.

Герцог вскочил со своего места, лицо у него мгновенно налилось багровой кровью.

— Ваше Высочество, вы не имеете права вмешиваться в суд!

— Имею, — твёрдо отрезал принц. — Я наследник короны. Казнь отменяется.

Эдвард посмотрел на меня, и я не смогла разобрать, что в этом взгляде — страх или безумная храбрость. Коротко кивнул на приговорённого:

— Развяжи его. Я быстро перерезала верёвки, и сапожник рухнул передо мной на колени, пытаясь поцеловать пыльные сапоги.

— Спасибо... Спасибо тебе, доченька...

Я молча отвернулась, в горле стоял колючий ком.

Вечером я сидела у себя в камерке, когда за окном уже сгустились сумерки. Лия пришла поздно, села рядом и молча положила голову мне на плечо, пахнущее пылью и дымом, а от волос её всё ещё веяло пекарней.

— Мне рассказали на улице, — прошептала она. — Что принц спас человека.

— Да. Принц. — Но и ты его не убила. Могла ведь потропиться, а ты ждала.

Я смотрела на оплывающую свечу и гадала, зачем Эдвард так глупо подставился под удар Воронова — герцог не про-

щает публичных унижений, никогда не прощал.

В дверь постучали: три коротких, два длинных. Я рванула засов. На пороге стоял запыхавшийся Эдвард, его дорожный плащ был наспех накинут на плечи.

— Она жива? — спросил он с порога, тяжело переводя дух.

— Кто?

— Твоя сестра. Я слышал, как герцог угрожал тебе её жизнью.

Я отступила на шаг, впуская его внутрь.

— Она здесь. Цела.

— Слава богу, — он облегчённо выдохнул.

— А ты сама как?

— Нормально.

Принц перевёл взгляд за мою спину, где у стола стояла Лия и с любопытством рассматривала гостя.

— Вы тот самый принц Эдвард? — спросила она.

— Да.

Лия вдруг открыто улыбнулась:

— А на портретах вы выглядите куда кислее.

Эдвард неловко усмехнулся:

— Спасибо. Пожалуй, мне пора идти.

— Ну уж нет, оставайтесь, — Лия задвигала стульями. — Я как раз испекла пирог с яблоками, Мира их обожает. Она посмотрела на меня с явной хитрецей — для неё принц сейчас был просто гостем, обычным испуганным парнем, кото-

рого надо накормить. Мы усадились за стол. Лия резала пирог и расспрашивала Эдварда о замковой жизни, а он понемногу расслаблялся, рассказывал, как в детстве таскал вишнёвое варенье с королевской кухни. Они смеялись, а я сидела молча, прислушиваясь к шорохам за дверью. Герцог не спустит этого с рук. Он ударит быстро и больно. Я посмотрела на смеющегося Эдварда, потом перевела взгляд на тяжёлый топор, лежащий на сундуке у двери, и пальцы сами собой сжались в кулак. Если люди Воронова сунутся сюда сегодня ночью, живым из этого переулочка не уйдёт никто.

Глава 3

Яблоками в комнате не пахло — только кислым пироговым чадом, остывающим жиром да нагаром от парафинового огрызка. Лия спала на кровати, свернувшись калачиком, поджав колени к самому подбородку. Всегда так спала, точно её в детстве в тесную корзину прятали. Я сидела на трёхном табурете у окна и смотрела, как за глухой стеной соседнего склада светлеет небо. Солнце едва поднималось над крышами трущоб, обрубая длинные ночные тени. Эдвард свалил далеко за полночь. Лия силой заставила его доесть пирог, а потом подливала ему травяного чая с мёдом. Пареньпил, уставившись в щербатый стол, и тихим, чужим голосом рассказывал про мать — про то, как она танцевала на зимних праздниках. Руки его — длинные, бледные, без единой мозоли — мелко дрожали, когда он поднимал глиняную кружку. Он всё время лапал себя за шею, словно воротник камзола его душил, а сердце в груди колотилось как бешеное. Страх из него так и пёр. И боялся он не герцога и не за свою шкуру — боялся, что тупо не успеет. Чего именно не успеет, я не спрашивала, а он молчал. Теперь он в замке, а я сижу в пустой каморке и жду. Чего жду — сама не знаю. В животе скрутился тугой узел, как перед выходом на плаху. Воронов вчерашний позор прожевать не сможет. Публичный запрет казни, приказ отогнать палача — это дыра в его власти. Он

ударит. Вопрос только — насколько быстро и по кому из нас первому. Лия заворочалась, потёрла глаза кулаком и села.

— Ты не спала? — проворчала она, сбивая подушку.

— Спала.

— Врёшь. Глаза красные, как у кролика. Всю ночь в угол пилилась.

Я молча повела плечом.

— За меня боишься, — сказала она. Не спросила — просто констатировала. Потом сползла с кровати, подошла и ткнулась своим тёплым плечом в моё.

— Перестань. Я не из воска, не растаю.

— Ты Воронова не знаешь, — огрызнулась я. — Он не прощает.

Лия снизу вверх глянула на меня и ухмыльнулась:— А ты прощаешь?

— Нет.

— Ну и ладно. Значит, вы с ним одного поля ягоды. Она подвязала платок, поправила юбку и замерла у порога.

— Пойду в пекарню. Если к вечеру не приду — ищи.

— Найдёшь тебя, как же... — пробормотала я, но сестра уже выскочила за дверь. Шаги её — быстрые, дробные — быстро затихли на улице. В каморке снова стало тихо. Я подтянула ремень с коротким топором, накинула куртку и пошла во дворец. Наш переулок встретил привычной грязью. У ворот замка караулил толстый стражник, который обычно спал стоя, прижавшись к стене. Нынче он не спал. Увидев

меня, сплюнул под ноги и процедил сквозь зубы:— Палач, суши сухари. В большом зале тебя ждут.

— Кто?

— Совет. Все, кто ещё ногами двигает. Большой зал был прокурен свечным чадом и провонял духами. Свет бледными полосами падал с высоких окон прямо на каменный пол. Вдоль стен на резных стульях восседали шесть человек. Воронов — в самом центре, в бархатном камзоле, а за его спиной торчал секретарь с птичьей физиономией и пером. По левую руку кисла седая графиня, по правую — главный судья, раздувшийся, как бочка с сивухой. Эдвард сидел в дальнем углу. Совсем серый, под глазами налились тёмные синяки. Когда я вошла, он вскинул голову и уставился на меня так, будто тонул и просил вытащить.

— Подойдите, — каркнул герцог.

Я подошла и встала посреди зала. Топор на поясе даже не стала прикрывать лапами куртки. Воронов мазнул по лезвию взглядом, но сухие губы скривил молча.

— Вчера вы нарушили приказ, — спокойно начал герцог. Голос у него был ровный, чистый, без ора. — Вы отпустили приговорённого по указке принца. Но слово принца без королевской печати — пустой звук. Король болен и указов не подписывает. Вы сорвали казнь.

Это измена.— Принц — наследник, — отрезала я. — Я подчинилась его слову.

— Наследник — ещё не корона, — оскалился Воронов.

— Он не может отменять приговоры суда. Из-за вашей самоуправности душегуб сегодня разгуливает по кварталу. Эдвард вскочил со стула, сжав кулаки:

— Это был мой приказ! Если хотите кого-то судить — судите меня!

— Ну что вы, Ваше Высочество, — герцог мягко развёл руками, словно успокаивал глупого щенка.

— Вы молоды. Вас просто ввели в заблуждение. Палач со-
врала вам, будто сапожник чист перед законом, и обвела во-
круг пальца. Надавила на ваше милосердие. Вина целиком
на ней. Я глянула на принца. Тот замер с открытым ртом, не
зная, куда девать руки.

— Я не врала принцу, — проговорила я. — Он сам решил.

— Вы ходили к нему ночью! — Воронов ткнул в меня
кривым пальцем. — Вы плели интриги за спиной совета.
Это влияние на королевскую особу. За такое коротко стри-
гут на плахе. В зале повисла тяжелая тишина, только за стек-
лом каркали галки. Всё было шито белыми нитками. Воро-
нову нужен был не сапожник — ему нужна была моя голо-
ва, чтобы принц окончательно остался без зубов. Ловушка.
Обычная крысоловка.

— Ваша светлость, — сказала я, смотря ему прямо в пе-
реносицу. — Я готова ответить. Но сапожник жену не резал.
Она от чахотки слегла. Если я лгу — рубите мне голову хоть
сейчас. А если нет — выходит, вы хотели отправить на пла-
ху невиновного? За это в законе тоже статья найдётся. Герцог

багровел на глазах. Губы его сжались в узкую нитку, а секретарь за спиной застрочил пером с удвоенной скоростью.

— Наглая, — выдохнул Воронов. — Слишком много о себе мнишь для костолома.

— Я не всегда головы рубила, — буркнула я. — Справедливость искать пробовала. Вот и пришла... к вашему столу.

Воронов молчал долго. Потом откинулся на спинку стула:

— Ладно. Даю тебе три дня. Докажешь, что старик чист — сниму обвинение. Не докажешь — взойдешь на помост вместе с ним. Он поднялся, собираясь уходить, но у самой двери обернулся: — И запомни: дернешься из города — твоя сестрёнка из пекарни будет умирать очень долго. Я лично прослежу.

Когда совет вывалился из зала, мы остались вдвоём с Эдвардом. Парень подошёл к окну, уткнулся лбом в холодное стекло.

— Зачем ты с ним зацепилась? — тихо спросил он.

— Я бы тебя вытащил...

— Не вытащил бы, — сказала я, садясь на подоконник рядом. — Ты сам еле на ногах держишься. Он не ответил. Плечи у него дрожали. — Вчера ты не дал убить человека, — добавила я.

— Это не слабость. — Это глупость! — выкрикнул он, повернувшись.

— Теперь он убьёт тебя!

— Он и так собирался, — я посмотрела на свои пальцы.

Костяшки были сбиты ещё с прошлого года.

— Палач, который не жрёт с руки, герцогу без надобности. К тому же я знаю, от чего слег твой отец. Эдвард побледнел так, что стали видны мелкие веснушки на носу:

— Что ты несёшь?..

— У него перед концом пальцы почернели, — ровно сказала я. — Я видела его, когда в замок ветошь таскала. На войне таким ядом крыс и пленных морили. Без вкуса, без запаха, а печень за месяц в труху выгнивает. Принц сполз по стене на корточки, обхватив голову руками:

— Ты... ты почему молчала?

— А кому скажешь? Тебе? Ты бы сразу побежал к Воронову спрашивать, правда ли это. В общем, слушай сюда, Ваше Высочество. У нас три дня. Я ищу концы по сапожнику, а ты роешь под герцога. Ищи его бумаги, письма, допрашивай аптекарей. Если не найдём ничего — нас обоих прикопают за замковой стеной. Парень медленно поднялся. Страх из его глаз никуда не делся, но челюсть сжалась.

— Я найду, — прошептал он. — Я залезу в его кабинет.

— Иди. И рот держи на замке. Я вышла из замка и поплелась на окраину, к домишке сапожника. Старик сидел на гнилом крыльце, уставившись в лужу. Руки лежали на коленях — сухие, скрюченные от работы с дратвой.

— Пришла? — прошамкал он, даже не подняв головы.

— Мне нужна правда, дед. Кто видел тебя в ту ночь, когда баба твоя преставилась? С кем ты был? Старик помолчал.

Потом поднял на меня мутные, выцветшие глаза:

— Ты про жену? Я её убил. У меня внутри всё осело.

— Что?..

— Я её толкнул, — ровно, без эмоций пробормотал старик.

— Перепила она, орала... Я толкнул, она с лестницы и кувыркнулась. Головой об угол лавки. И всё.

— Ты ж вчера на площади орал, что невиновен! — я шагнула к нему, сжав кулаки.

— Ты принцу в ноги валился!

— Жить хотелось, — старик слабо усмехнулся. — Все жить хотят, дочка. Испугался я. Прости уж. Я стояла перед ним, и у меня в горле горчил застарелый гнев. Старый дурак. Трусливый, паршивый дед, из-за которого я только что подставила под удар Лию и принца.

— Что теперь делать будешь? — крикнул он мне вслед, когда я развернулась. Я не стала отвечать. Пошла прочь по раскисшей улице, втаптывая грязь сапогами. Три дня. У меня осталось три дня, и весь мой расклад рассыпался в прах. Идти к принцу и сказать, что мы спасали убийцу? Он сдуется. Пойти к Воронову и взойти на плаху? Щас, разбежалась. Я остановилась у поворота в свой переулок, вытащила топор из зажимов, проверила пальцем лезвие. Холодное. Острое. Воронов знал. Этот старый лис с самого начала знал, что сапожник зашиб свою бабу. Он подsunул мне заведомо проигрышную кость, чтобы я либо сломала зубы, либо приползла

к нему на коленях просить пощады. Ну уж нет. Если герцог играет не по правилам, значит, и я доски беречь не стану. Сапожник сядет на плаху — туда ему и дорога. А вот Воронову я эти три дня устрою такие, что он сам пожалеет, что не придушил меня ещё в гильдии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.